

нажды сказал французский медиевист М. Блок¹⁵, но это так не потому, что христианин это грамотный интеллигентный человек, хорошо знающий историю мира и своей традиции, а потому, что он непосредственный участник этой истории. Более того, эту фразу следует уточнить: христианство — религия историков, а христиане — прямые совершители истории.

PATRISTIC RESEARCHES IN XX c.

P. MIKHAILOV

The article examines the program ideas of theological revival in Christian scientific subjects, particularly in the field of patristic studies. The content shows that theological intuitions of catholic and orthodox theologians in that case are the same. At the same time there is some risk of degeneracy of that ideas by the special character of scientific research that become autonomous of its roots and general goals.

*Протопресвитер Константин Коман
(Православный богословский факультет Бухарестского университета)*

СВЯЩЕННИК ДУМИТРУ СТАНИЛОЭ: ПЕРЕВОДЧИК, ИСТОЛКОВАТЕЛЬ И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В настоящем докладе дается обзор жизненного и научного пути известного румынского православного богослова, патролога и переводчика творений Святых Отцов отца Думитру Станилоэ. Отмечается, что особенное влияние на его богословие оказало учение свт. Григория Паламы. Говорится также и о масштабной переводческой работе Станилоэ, посвященной следующим авторам и памятникам древней христианской письменности: св. Григорию Паламе, прп. Максиму Исповеднику, св. Анастасию Великому, свт. Григорию Нисскому, свт. Григорию Богослову, свт. Кириллу Александрийскому, Ареопагитскому корпусу, прп. Симеону Новому Богослову. Кроме того, автор доклада показывает, что выполненный Станилоэ перевод «Добротолубия» оказал глубокое влияние на религиозное возрождение Румынии в социалистический период ее истории.

Жизнь священника Думитру Станилоэ охватывает почти весь XX век. Он родился 17 ноября 1903 г., в одном из горных сел Трансильвании недалеко от Брашова. Его родители, простые крестьяне православного вероисповедания, носили библейские имена: Иеремия и Ревекка. Мать, будучи глубоко верующим человеком, желала видеть своего сына священником.

В те времена, как, впрочем, и позднее, село было основой общественной жизни Румынии. Здесь Думитру впервые открыл для себя подлинный образ церковной жизни, явленный в жизни небольшой церковной общины. Вот что он напишет об этом позднее: «Вся жизнь нашего села проходила вблизи церкви... Общественная жизнь была тесно связана с религиозной. Невозможно было помыслить нормальную жизнь вне Церкви, всегда бывшей рядом с народом, который, в свою очередь, был полностью предан ей. В такой атмосфере я вырос. Церковь значила очень много, она была стержнем человеческой жизни. Народ жил в Церкви»¹. О роли, которую сыграл в его последующей жизни, и особенно в его богословской деятельности, опыт детства, проведенного в селе, отец Станилоэ, уже на склоне жизни, говорит так: «И по сей день меня вдохновляют воспоминания о жизни моей семьи, моего села и вообще всего народа»².

Важным моментом в жизни юного Думитру стал выбор факультета, на который он поступил после окончания лицея в Брашове. Он хотел в то время изучать философию, чтобы освоиться в схоластике. «Я не знал, что означает схоластика! — писал он позднее: — Я думал, что речь шла о высокой философии»³. Его мать и дядя священник убедили его изучать богословие на известнейшем в то время Богословском факультете в Черновцах. Там он познакомился с тогдашним митрополитом Трансильвании, крупным ученым Николае

¹⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 6.

¹ Costa de Beauregard M.-A. Dimitru Staniloae. «Ose comprendre que Je t'aime». P.: Cerf, 1983. P. 16–17.

² Ibid. P. 17.

³ Ibid. P. 17.

Бэланом, предложившим ему стипендию, позволявшую посещать занятия по богословию, что впоследствии оказало большое влияние на карьеру отца Станилоэ.

Богословский факультет в Черновцах был организован по образцу немецких теологических школ. Соприкоснувшись с жизнью на факультете, молодой Думитру Станилоэ с удивлением обнаружил огромную пропасть между академическим богословием и жизнью Церкви, как он ее знал: «Богословие было слишком академичным. Все было пронизано рационализмом... При чем здесь религиозная жизнь народа? Как я мог обратиться к верующим с тамошними учеными выкладками о Боге? Богословие было наукой, изобилующей метафизическими определениями: Бог неизменен, человек изменчив...»⁴.

Другое недоумение было связано с самодостаточностью факультетского богословия, которое, оставаясь всегда на теоретическом, рациональном уровне, претендовало на полное познание Бога: «после нескончаемой зубрежки учебников, после заучивания цитат из каждой главы догматики у студентов складывалось впечатление, что они знают все, что о Боге уже все сказано, и нового сказать нечего»⁵. Самой первой реакцией было некоторое пренебрежение к вере и благочестию народа. Спустя год после начала обучения разочарованный студент оставил Богословский факультет и отправился в Бухарест изучать филологию. Случайная встреча с митрополитом Николае Бэланом заставила его вернуться. Он закончил свое богословское образование в 1927 г. с единственным достижением — «освоением навыков глубокой исследовательской работы».

По окончании богословских штудий митрополит Бэлан отправил Думитру на год в Афины, по настоятельной просьбе самого юного богослова. «Я искал подлинный источник и подлинное выражение православного богословия, и у меня было ощущение, что я найду его у греческих отцов»⁶. Несмотря на короткий срок пребывания в Афинах (всего лишь один учебный год 1927 / 1928) и перенесенную тяжелую болезнь зимой этого же года, Станилоэ смог выучить греческий язык и написать докторскую диссертацию на тему «Жизнь и деятельность Патриарха Досифея в Иерусалиме, а также его связи с румынскими землями», защищенную в Черновцах осенью 1928 г. Недолгое пребывание в Афинах стало важным событием для его богословской карьеры. Большим приобретением следует считать освоение греческого языка, давшее возможность и сильнейший импульс к изучению наследия Святых греческих Отцов Церкви. По этому поводу отец Станилоэ писал в предисловии к греческому переводу первой части своей Догматики: «Я благодарю Бога за то, что могу вернуть хотя бы малую часть моего долга перед греческим языком, которому я стольким обязан. Язык, который я освоил в Афинах 60 лет назад и который я постоянно совершенствую, позволил мне с самого начала моего служения богословию оказаться внутри живого диалога с греческими Отцами Церкви»⁷. Однако на богословском факультете в Афинах он обнаружил все ту же теологию, что и в Черновцах, оказавшуюся под значительным влиянием схоластической науки.

В ноябре 1928 г. Станилоэ уехал в Германию, где, получив стипендию от того же митрополита Бэлана, он продолжил, сначала в Мюнхене, затем в Берлине, свои занятия по истории Церкви, и в особенности по истории Византии.

Во время своего пребывания на Западе Станилоэ открыл для себя великого Отца и учителя Православия, у которого он впоследствии найдет ответы на многие свои вопросы и который введет его в мир истинного и живого богословия. Это событие наложило неизгладимый отпечаток на весь ход его богословской мысли и его произведения. Речь идет о свт. Григории Паламе. Отправной точкой для Станилоэ стало изучение истории Византии, в которой, конечно же, фигурировал и этот Отец Церкви. Станилоэ начал искать рукописи произведений Паламы и нашел их в Национальной библиотеке в Париже, куда отправился во время отпуска. Целых два месяца изо дня в день он исследовал и переписывал рукописные тексты Григория Паламы. По возвращении из Германии он остановился на два месяца в Белграде, движимый все тем же интересом к истории Церкви, а затем вернулся в Румынию.

С этого времени начался новый период жизни Станилоэ, связанный с его преподавательской деятельностью. 1 сентября 1929 г. митрополит Николае Бэлан назначил его доцентом Кафедры догматики Богословской Академии в Сибиу. Ему было всего лишь 26 лет. В течение последующих 17 лет Станилоэ преподавал в Академии догматику (1929–1946), а также параллельно, в разные годы, апологетику (1929–1932, 1936–1937), пастырское богословие (1932–1936), греческий язык (1929–1934). В 1935 г. он получил звание профессора, а в 1936 г. стал ректором Богословской Академии в Сибиу, оставаясь на этом посту вплоть до 1946 г, когда обстоятельства и политическая обстановка вынудили его переехать в Бухарест. Нужно сказать, что в то время благодаря решительным действиям и усилиям митрополита Бэлана в Богословской Академии Сибиу

⁴ *Costa de Beauregard M.-A.* Dimitru Staniloae. «Ose comprendre que Je t'aime». P.: Cerf, 1983. P. 18

⁵ *Ibid.* P. 18

⁶ *Costa de Beauregard M.-A.* Op. cit. P. 18.

⁷ *Stăniloae D.* Dumnezeu, lumea și omul. Introducere în teologia dogmatică. Atena, 1990. P. 13.

трудился такие выдающиеся профессора, как Николае Няга (Ветхий Завет), Григоре Марку (Новый Завет), Теодор Бодогаете (история Византии), Ливиу Стан (каноническое право). К этому блистательному поколению богословов принадлежит и Станилоэ, самый яркий его представитель.

В 1930 г. Думитру женился на девушке по имени Мэрия, ставшей спутницей его жизни на 63 года (в марте 1993 г. она умерла).

Поначалу, не занимаясь догматикой специально, Станилоэ перевел «Догматику» известного в то время греческого богослова Христу Андруотса, которая его не вполне удовлетворяла, как он сам об этом говорил: «Я читал у Андруотса, что в познании Бога не бывает прогресса, что все, что сказано — сказано раз и навсегда и закреплено в догматических определениях и формулах». Это и стало причиной, побудившей Станилоэ начать перевод текстов Григория Паламы, привезенных им с собой из Парижа. Так началась его плодотворная работа по переводу святоотеческого наследия на румынский язык, которой суждено было продолжаться всю жизнь и затронуть сочинения самых крупных греческих Отцов Церкви.

Святоотеческое богословие как подлинное выражение вековой жизни Церкви и ощущение постоянного присутствия Божия в мире и в истории стали двумя основополагающими источниками богословия Станилоэ. «Мое богословие происходит, с одной стороны, из постоянного общения со Святыми Отцами Церкви, а с другой — из моего постоянного и живого общения с Богом в молитве и литургической жизни в Церкви с моими румынскими братьями и вообще со всем христианским братством...»⁸.

Работа над переводом с самого начала сопровождалась толкованием и погружением в святоотеческую мысль. Отправной точкой для этого служили проблемы современного человека. Параллельно с переводом первых текстов Паламы Станилоэ издал свое первое исследование по богословию Паламы: «О пути, который ведет к Свету Господню, по учению св. Григория Паламы»⁹. Напомним, что это было время, когда и в православной среде чувствовалась настороженность по отношению к исихазму и учению святого Григория Паламы. Станилоэ говорил, что, еще будучи студентом 1 курса, он прочитал в одном из учебников по истории Византии некоего румынского историка нечто «о странной идее св. Григория Паламы, будто некоторые монахи видят небесный свет»¹⁰.

Вскоре последовал перевод и публикация еще двух трактатов Паламы «О нуждающихся в тишине», сопровождавшихся обширными комментариями. Изучение трудов и личности св. Григория Паламы будет продолжаться много лет и, наконец, завершится в 1938 г. изданием большой научной монографии «Жизнь и учение св. Григория Паламы» объемом 250 страниц вместе с переводом трех трактатов Паламы на 160 страницах. По мнению современных специалистов, эта работа является «первым глубоким исследованием богословской мысли Паламы»¹¹. Известное исследование протопресвитера Иоанна Мейендорфа (*Introduction à l'étude de Grégoire Palamas*) появится лишь спустя 20 лет в Париже, в 1959 г. К сожалению, в силу сложившихся исторических обстоятельств, а также из-за весьма ограниченного распространения румынского языка в мире, многие труды Станилоэ продолжают оставаться малоизвестными за пределами Румынии.

Паламитский период оказал большое влияние на эволюцию научной деятельности и богословия самого Станилоэ. Свт. Григорий Палама с его синтезом святоотеческого богословия фактически ввел его в храм православного богословского наследия. В паламитском разделении понятий бытия Бога и Божественных нетварных энергий Станилоэ нашел преодоление той пропасти, что образовалась в западной богословской традиции между трансцендентным Богом и миром, между Богом и людьми и, как следствие этого, между академическим богословием и христианской жизнью православного народа, между школьным богословием и жизнью Церкви.

В Германии Станилоэ познакомился с богословием Карла Барта, у которого на первый план выдвигается фактор личности и личностных отношений человека с Богом. Бог предстает личностной Сущностью, обращающейся к грешному человеку: «Я понял, — говорил Станилоэ, — что это не соответствует православному пониманию, но еще более усугубляет пропасть, расстояние между Богом и человеком. И все же мне удалось извлечь пользу из утверждения о трансцендентности Бога в отношении к человеку и миру. Я связал это с утверждением Григория Паламы о том, что Бога можно найти через прямое отношение с нами через “Его нетварные энергии”»¹².

⁸ *Stăniloae D. Dumnezeu, lumea și omul. Introducere în teologia dogmatică. Atena, 1990. P. 13*

⁹ *Stăniloae D. Despre calea ce duce la lumina dumnezeiasca după Sfântul Grigorie Palama // Ежегодник Богословской Академии Сибиу. 1929—1930. № 4. P. 55—72.*

¹⁰ См.: Ежегодник Богословской Академии Сибиу. 1931—1932. № 9. P. 5—70.

¹¹ *Radu D. Coordonate și permanențe teologice în opera Părintelui Acad. Prof. Dr. Dumitru Stăniloae // Persoană și comuniune. Prinos de cinstire Preotului Profesor Academician Dumitru Stăniloae. Sibiu, 1903—1993. P. 138.*

¹² *Costa de Beauregard. Op. cit. P. 22.*

Спустя несколько лет, в 1943 г., Станилоэ написал свой первый трактат по христологии с характерным названием «Иисус Христос: восстановление общения»¹³. Само название говорит о том, что мы имеем дело не только с христологическим богословием, но и с христианской антропологией, которая должна быть исключительно христоцентрической. В личности Иисуса Христа предстает не только Сын Божий, но и Сын Человеческий, и, что особенно важно, личность Христа неотделима от Его дела, т. е. восстановления павшего человека. Причин, побудивших Станилоэ написать эту книгу, было много. Определенную роль в этом сыграло также возвращение к христоцентрическому содержанию проповеди и церковного пастырства, осуществленное стараниями митрополита Николае Бэлана. Кроме того, грозные события эпохи решительно требовали богословского осмысления. Напомним, что эта книга появилась во время Второй мировой войны, когда антропоцентризм европейской цивилизации вынудил человека встать на стезю саморазрушения, демонстрируя неопишное презрение к уникальной ценности человеческой личности. Кроме того, Станилоэ имел ясное представление об усилиях, прилагавшихся западными теологами и философами в рамках философии экзистенциализма и индивидуализма. Он принимал во внимание положительные стороны этих усилий, но в то же время указывал на их неспособность преодолеть мирские, ограниченные критерии и поставить человеческую личность в реальное отношение к Богу.

Истинный образ человека — Христос, в лице Которого человеческая природа вознесена до ее совершенного состояния. В этой исключительно важной работе Станилоэ впервые в истории новейшего православного богословия развил мысль об онтологическом и христологическом аспекте сотериологии, подчеркивая органичную связь между личностью и спасительным делом Господа нашего Иисуса Христа. «Спаситель Христос, — пишет Станилоэ, — через Свое воплощение остается по отношению к нам вечным источником нашего спасения. Спасение означает отношение, тесное общение с Иисусом Христом. Спасение не есть лишь некая мораль или приобретение определенного знания. Оно совершается не через познание или что-либо другое, но через переживание связи со Христом... Следовательно, искать спасения означает искать Иисуса Христа, общения с Ним»¹⁴. Спасительное дело Христа неотделимо от Его личности. Его личность проявляется в Его спасительных деяниях. «Только на абстрактном языке мы можем говорить о личности Христа, отделенной от Его спасительных деяний»¹⁵. Христос есть полнота, завершенность человеческого существа, ибо в Его личности человеческая природа достигает полного соединения с Богом.

Следующий вопрос, волновавший Станилоэ, звучит так: каким образом человек может достичь единения с Богом? Это привело Станилоэ к другой не менее важной стороне его богословских изысканий. Речь идет о переводе и издании «Добротолубия» на румынском языке. Эта антология переводилась на румынский не первый раз. Об этом говорил и сам Станилоэ, ссылаясь на существование многочисленных рукописей более древних переводов «Добротолубия», внимательно им изученных. Решение Станилоэ перевести «Добротолубие» совпало со временем духовного возрождения, во главе которого стоят выдающиеся румынские духовники. Одним из них был А. Бока, подсказавший Станилоэ идею перевода, а затем всячески его поддежавший в издании и распространении первых томов «Добротолубия».

В «Добротолубии» Станилоэ обнаружил, как церковные догматы связаны с жизнью человека, называя это явление «духовным измерением догматов»; он осознал также, что догматическое учение Церкви соответствует наиболее глубоким потребностям и исканиям людей.

В период между 1946–1948 гг. вышли первые четыре тома «Добротолубия», представляющие собой перевод первого тома греческого издания. Время, в которое выходили эти тома, заставляет задуматься над действием божественного Промысла, поскольку благодаря этому изданию верующие получили подлинное духовное ограждение на предстоящие десятилетия тяжелых испытаний. В то время, когда был насильственно установлен коммунистический и атеистический тоталитарный режим, приведший к радикальным общественным и политическим переменам, незначительная кучка людей усердно переводила «Добротолубие». И тем не менее, процесс перевода «Добротолубия» остановился в силу особых обстоятельств на первых четырех томах и возобновится лишь через 30 лет.

Станилоэ был не только переводчиком «Добротолубия» на румынский язык, но и создателем румынского «Добротолубия». Он расширил греческую редакцию, по крайней мере, по трем направлениям: во-первых, он дополнил известное собрание новыми текстами, выбранными им самим, во-вторых, он добавил подробные введения к каждому отдельному сочинению и его автору, и, в-третьих, весь перевод «Добротолубия» сопровождается подробнейшими комментариями. От знакомства с ними создается впечатление, что это отдельные самостоятельные произведения. Комментарии Станилоэ имеют своей целью объяснить

¹³ *Isus Hristos sau restaurarea omului*. Sibiu, 1943. P. 404.

¹⁴ *Ibid.* P. 186.

¹⁵ *Ibid.* P. 187.

и истолковать тексты «Добротолюбия» для современного человека. При этом Станолоэ всегда подчеркивает внутреннюю связь между учением Церкви и жизнью людей.

Станолоэ считал перевод «Добротолюбия» тем более необходимым, чем больше в православную среду проникали тенденции и течения, связанные с новым опытом духовной православной жизни. В связи с этим он писал: «Все больше говорят о жизни в религии. Но эта жизнь не нацелена на что-то конкретное, способное направить человеческое существо в соответствии с определенными законами к большему очищению и любви, а рассматривается как самодостаточная ценность, даже если никуда не ведет, даже если теряет истинный путь. По учению Святых Отцов, религиозная жизнь представляет собой ценность лишь тогда, когда она постоянно движется вперед к своей конечной цели, которая есть совершенство»¹⁶.

Возрождение принципов добротолубия¹⁷ является, кроме того, еще и реакцией на проникновение в румынскую среду, начиная с середины XIX в., нового образа жизни, вдохновлявшегося западной традицией, имевшей особое влияние на интеллигенцию.

Румынское «Добротолюбие» состоит из 12 томов, подготовленных все тем же неутомимым переводчиком. Последний 12-й том появился в 1991 г. В четвертом томе Станолоэ выражал желание добавить к известному собранию текстов «Добротолюбия» новые тексты хорошо известных Отцов. «В пятом томе нужно перевести первых Отцов из второго тома греческого издания “Добротолюбия”. Вполне возможно посвятить 2–3 тома творениям преподобного Симеона Нового Богослова, этого великого святого и духовного писателя XI в.»¹⁸. Этот выбор вовсе не случаен, стоит лишь вспомнить о переводах Станолоэ творений свт. Григория Паламы. Среди самых важных трудов, добавленных Станолоэ в «Добротолюбие», следует упомянуть помещенное в девятом томе известное творение святого Иоанна Лествичника «Лествицу», в десятом — «Аскетические наставления святого Исаака Сирина», в одиннадцатом томе — «Духовные письма святых Варсанофия и Иоанна», а в двенадцатом — «29 слов преподобного Исаяи Пустынника».

Румынское «Добротолюбие», фундаментальное собрание древних аскетических текстов, насчитывающее в общей сложности около 6000 страниц, сыграло огромную роль в сохранении христианской веры и жизни Церкви в тяжелый период коммунистического и атеистического режима в Румынии. В это время переиздание «Добротолюбия» было почти невозможным, поэтому собрание передавалось из рук в руки в бесчисленных машинописных экземплярах. Сомнительно, чтобы академическое богословие, на каком бы высоком уровне оно ни находилось, могло сыграть такую же значительную роль в сохранении и преумножении духовной традиции.

Достижения Станолоэ в переводе и распространении «Добротолюбия» совпадают с мощной традицией румынского добротолубия, которую он таким образом сумел выразить и распространить. Речь идет о достоянии новейшей духовной истории Румынии. Об этом пишет академик В. Кындя: «Отец Думитру Станолоэ, вместе с другими румынскими учеными (такими как Н. Крайник, Г. Раковяну) стоит у истоков здоровой духовной жизни румын, начавшейся между двумя войнами и продолжающейся до сих пор; это время я бы назвал пробуждением добротолубия. Через это явление прошло не одно поколение румынских верующих с одинаковым духовным устройением»¹⁹.

Для догматического учения Станолоэ работа с «Добротолюбием» оказалась особенно значимой. Он настойчиво подчеркивает, что «Добротолюбие» имеет глубокое богословско-догматическое, а также христологическое основание: «Образ жизни, описанный в текстах “Добротолюбия”, является исключительно христологическим, — пишет Станолоэ, — это единственный путь, который способствует единению людей между собой и со Христом... дело человека неотделимо от дела Христа. То что делает человек, он делает не сам по себе, а будучи укрепляем помощью Христа и Святого Духа»²⁰.

Таким образом, весь путь добротолубия ведет к соединению человека со Христом и имеет христологическое, а значит, богословское и библейское основание. «Отделение деяний Христа от деяний человека, или отдельное их рассмотрение неприемлемо для православной традиции. Оно было предложено схоластической теологией наряду с отделением догматики от морали, когда догматика ссылается на то, что делает Бог для человека, в мораль — на то, что должен делать человек»²¹. Понимание жизни и деятельности человека как синергии возможно только в православном богословии, поскольку западная христианская традиция не говорит о благодати Христа, действующей в человеке и укрепляющей его.

¹⁶ Filocalia // D. Stăniloae, trad., intr., comm. N. Y., 2001². Vol. 1. P. XXI.

¹⁷ В данном случае автор имеет в виду совокупность духовного учения, выраженного в аскетических текстах «Добротолюбия», а не сам сборник. — *Прим. ред.*

¹⁸ Filocalia... Vol. 4. P. 9.

¹⁹ Radu. Op. cit. P. 13.

²⁰ Filocalia... Vol. 2. P. 6.

²¹ Ibid.

Здесь Станилоэ показывает, что духовность добротолубия есть плод догматического учения Церкви, но в то же время она сама, в свою очередь, обосновывает церковное богословие. Христологическое основание и структура «Добротолубия» дают право Станилоэ построить свою богословскую систему на догматической основе добротолубия, что, возможно, оказалось одним из его самых значительных вкладов в современное православное богословие.

Работа Станилоэ над «Добротолубием» не ограничивалась лишь переводом и комментариями к текстам, но сказалося также и в личном духовном опыте. Будучи женатым священником, Станилоэ имел широкие связи в монашеских кругах. Он подолгу жил сначала в монастыре Брынковяну при выдающемся подвижнике отце Арсении, затем в Бухаресте, куда он переехал в 1946 г., в монастыре Анфим. Здесь он участвовал в мощном движении добротолубия, названным «Зажженным костром» и объединившим вокруг духовников Софиана, Венедикта и других большую группу интеллектуалов, среди которых были поэт и врач В. Войкулеску, физик А. Миронеску, профессор К. Жожа, философы, врачи, писатели и студенты. Это движение, будучи естественным следствием духовного возрождения, становится теперь внутренней формой сопротивления новому политическому режиму страны, насильно навязавшему стране атеистическую антихристианскую идеологию. Это движение не ускользнуло от внимания государственных секретных служб. Атеисты очень быстро поняли, что движение необходимо ограничить и в корне пресечь его распространение. Школьное богословие, не побуждавшее человека искать общения с Богом, естественно, не вызывало таких опасений у врагов христианской веры.

В течение 11 лет, с 1934 по 1945 г., Станилоэ был главным редактором известного церковного и богословского листка «Румынский телеграф», издававшегося Архиепископией Сибиу. В этот период Станилоэ развернул активную публицистическую деятельность. Он написал более 200 статей на такие болезненные темы, как: униатство, отношения между Церковью и народом, опасности коммунизма и др.²² В то же самое время получила широкий резонанс его полемика с крупнейшим румынским философом того времени, Л. Благой. Из этого спора, как показали дальнейшие события, Станилоэ вышел победителем.

Но вернемся в Бухарест. Здесь в 1958 г. прокатилась последняя большая волна арестов, особенно затронувшая интеллектуальную среду. Арестовано было подавляющее большинство участников движения «Зажженный костер», в том числе и Станилоэ. Это произошло 5 сентября 1958 г. Его судили вместе с другими 15 богословами и монахами 4 ноября 1958 г. и приговорили к 5-и годам лишения свободы. «Я радовался тому, что и мне довелось пострадать вместе с другими священниками и верными сынами Церкви», — говорил он позднее в одном из своих интервью. В этом году в румынских тюрьмах сидели более 500 священников. Освободили Станилоэ в январе 1963 г. Осенью 1965 г. он вернулся на кафедру Богословского института при Бухарестском Университете, но лишь для чтения курсов в аспирантуре. В 1973 г. он вышел на пенсию.

С этого времени начинается второй важный этап жизни и богословского служения Станилоэ, во многом оказавшийся еще более плодотворным, чем первый. «Большинство своих работ я написал после 60-ти лет», — признавался он впоследствии. Богословские изыскания Станилоэ продолжались в том же направлении, что и раньше. В 1976 г. вышел пятый том «Добротолубия». Затем последовали 6-й и 7-й тома (1977 г.), 8-й (1978), 9-й (1980), 10-й (1981), 11-й (1990) и 12-й (1991).

Самым важным событием в богословском развитии Станилоэ и его наиболее значительным вкладом в развитие современного православного богословия было издание в Бухаресте в 1978 г. фундаментального труда по догматике в трех томах: «Православное догматическое богословие» (около 1350 страниц). «После многочисленных трудов на различные догматические темы, опубликованных в богословских журналах Бухареста с 1950 по 1977 г., Всеблагой Господь дал мне силы создать синтез православной догматики. Эта работа не является воспроизведением предшествовавших трудов, но представляет собой новую законченную мысль...»²³.

В предисловии к своей Догматике Станилоэ говорит и о том, какие в данной работе были поставлены цели. Во-первых, настойчивое утверждение органичной связи между догматикой и жизнью, между учением Церкви и жизнью людей: «В этом синтезе мы пытались выявить духовное значение догматического учения, свидетельствовать о его истинном соответствии глубинным потребностям человеческой души, ищущей укрепления и продвигающейся по пути приобщения к Богу»²⁴.

Еще более четко и категорично высказывается эта мысль в предисловии к греческому переводу «Введения в Догматическое православное богословие»: «В этом полном выражении православной веры я желал сделать ощутимым присутствие Бога Живого в жизни верующих... Я хотел представить здесь Образ Бога так, как его чувствуем мы, верующие, во время молитвы, всегда присутствующего и действующего, согреваю-

²² *Abrudan D. Părintele Dumitru Stăniloae, redactor al Telegrafului român // Persoană și comuniune... P. 68–73.*

²³ *Stăniloae D. Teologia Dogmatică Ortodoxă. București, 1978. Vol. 1. P. 5.*

²⁴ *Ibid. P. 5.*

щего наши души Своим присутствием и возводящего на такой высокий уровень духовной жизни, что Он воспринимается нами не только как объект логических рассуждений, отделенных от человека, но как Дух, объединяющий человеческое существо со Своими Животворящими Тайнами. Я также стремился сделать ощутимым присутствие Божие во всем мире, во всей вселенной, созданной так гармонично, а также во всех делах человеческих в мире, в котором мы живем»²⁵. Чтобы достигнуть этой цели, автор решительно отказался от схоластического метода трактовки догматов как абстрактных формул, которые, как он сам замечает, представляют исключительно теоретический интерес, в значительной степени преувеличенный и не имеющий никакой связи с глубинами духовной жизни человека». «Я избегал, — пишет он далее, — старых абстрактных и отвлеченных определений, которыми изобилуют схоластические учебники»²⁶.

В самом деле, в своей догматике Станилоэ пользуется не языком догматов для посвященных, а простым обыденным языком, на котором люди говорят в повседневной жизни. Этот прием способствовал преодолению средостения между Церковью и миром, воздвигнутого коммунизмом. Станилоэ боролся с цензурой, чтобы сохранить в словаре Догматики такие термины, как «история», «человек», «мир», «отношение» и т. д. Станилоэ считал языковой фактор очень важным. Его богословский язык находится в постоянном движении, часто и намеренно меняется, чтобы оставаться средством, а не конечной целью изложения, чтобы читатель не задерживался на языке, на формулах, выражениях, определениях, но чтобы через них достигал действительности, которую автор пытается описать и о которой свидетельствует. Для Станилоэ, как и для свт. Григория Богослова, «истина не в словах, а в делах».

Догматика Станилоэ опирается на многовековую традицию Церкви, выраженную святоотеческой мыслью и богословием. Ссылки Станилоэ на Святых Отцов не являются механическим, простым цитированием древних текстов и воспроизведением их мыслей. Станилоэ берет у Святых Отцов их образ мысли. «Я взял за образец, — пишет Станилоэ, — творения Святых Отцов, которые, будучи исключительно глубокими по мысли, полны жизни и духовных переживаний. Мысль, доходящая до глубин существования Бога, может быть только живой, духовной и эмоциональной. Подлинное духовное переживание подогрывается глубоким и реальным пониманием тайны Божьей»²⁷.

Другим важным ориентиром для Догматики Станилоэ является актуальный опыт Церкви, насущные проблемы сегодняшнего человека, которые он воспринимает в духе Святых Отцов: «Я руководствовался тем, как понимали учение Церкви Святые Отцы, но я имел в виду современное понимание догматов и духовных потребностей человеческой души, ищущей укрепления сейчас, в наше время, прошедшей через собственный новый опыт жизни, спустя столько веков, отделяющих нас от святоотеческой эпохи. Мы попытались понять учение Церкви в духе Святых Отцов, но в то же время понять, как бы они осмыслили церковное учение сегодня, что бы они сказали применительно к нашему времени»²⁸.

Еще одной целью, обозначенной в «Догматическом православном богословии» Станилоэ, была оценка правды и опыта Церкви для современного человека. Его очень беспокоило равнодушие современников к христианской вере. Поэтому он прилагал особые усилия, чтобы найти средства, «убедить их, что только христианская вера предлагает подлинный смысл жизни человека и мира, смысл, который не может предложить ни наука, какой бы развитой она ни была, ни современная философия, которая во всех своих формах — главным образом, пантеистических — ограничивается видимым миром. Этот мир действительно поражает нас своим совершенным устройством, но не в состоянии дать ни полного и окончательного удовлетворения человеку, ни конечной цели его бытия». «Я думаю, — продолжает Станилоэ, — что христианская вера, со всем ее богатством и глубиной, может соответствовать любой эпохе, каждый раз удовлетворяя новым духовным потребностям человека, не меняя при этом ничего в своем содержании»²⁹.

Станилоэ выполнил все поставленные перед собой цели. Однако это ему удалось не за счет модернизации, а в силу правильного понимания вечной истины, всегда живой и новой. Эта Истина — Сам Христос. В самом деле, богословское движение, предпринятое Станилоэ, есть, без сомнения, перемещение христологии, а точнее, христологии Халкидонского собора в центр догматического дискурса, выстраиваемого на основании разделения сущности и божественной энергии, предложенного Паламой. Как отмечает известный английский православный богослов, епископ Каллист Уэр, «Догматика отца Думитру Станилоэ является первой православной догматикой, в которой это различие рассматривается как основополагающее для православного понимания Бога. Догматика Христа Андрюта полностью игнорирует паламитское учение.

²⁵ *Stăniloae. Dumnezeu, lumea și omul...* P. 11.

²⁶ *Ibid.* P. 15.

²⁷ *Ibid.* P. 11.

²⁸ *Ibid.* P. 16.

²⁹ *Ibid.* P. 12.

Догматика П. Трембеласа упоминает о нем лишь вскользь. То же самое можно сказать о Догматике русского богослова М. Помазанского и более ранней Догматике митрополита Макария Булгакова»³⁰.

Богочеловеческая Личность Христа Спасителя находится в центре всего богословия Станилоэ, а божественная любовь является ключом к правильному ее пониманию: «Я настаивал на том, чтобы представить христианам Бога Троицу как Бога любви, а Иисуса Христа как Сына Божия, воплотившегося и распявшегося за нас, как живое свидетельство любви Бога, который по Своей совершенной любви создал человека как соучастника общения с Ним, придавая каждой человеческой личности уникальную и непреходящую ценность»³¹. Иисус Христос, Бог и Человек, есть Дверь, через которую Станилоэ проникает в непостижимые Тайны Царствия Божия, тайны мира, человеческой личности и всей вселенной.

В последние годы Станилоэ написал еще несколько монографий по христологии, желая сосредоточить внимание академического богословия и современной мысли на Личности Христа, как единственной возможности избежать многочисленных и разнообразных опасностей, угрожающих истинной христианской вере. Это такие книги, как «Бессмертный облик Бога» (1987), «Евангельский облик Иисуса Христа» (1992), «Иисус Христос, Свет мира, обожествляющий человека» (1993), «Иисус Христос в Посланиях апостолов и у тех, кто приходит к вере» (1993).

Для полноты библиографии Станилоэ следует упомянуть, что догматика Станилоэ включает в себя две других, не менее ценных, работы: «Православная духовность» (1981), где догматическое богословие получает свое продолжение в сфере христианской морали, а также «Духовность и Причастие в православной Литургии» (1986), как использование того же самого догматического богословия в церковной жизни. Секрет такого изобилия богословских трудов кроется, без сомнения, в постоянном и глубоком изучении творений Святых Отцов, а также в отзывчивости на нужды, проблемы и вызовы нашего тревожного времени.

В последние 10 лет жизни, в возрасте уже 80-ти лет, Станилоэ участвовал в обширной издательской программе, начатой патриархом Иустином. В это время он перевел 12 томов творений Святых Отцов, из которых 9 стали появляться в печати начиная с 1982 г., а три все еще ждут своей очереди. Изданные тома насчитывают 3500 страниц в большом формате. Это были творения тех греческих Святых Отцов, которые были его постоянными учителями: прп. Максим Исповедник, св. Анастасий Великий, свт. Григорий Нисский, свт. Григорий Богослов, свт. Кирилл Александрийский, св. Дионисий Ареопагит³², прп. Симеон Новый Богослов и другие. Переводы во всех случаях, как и при издании «Добротолюбия», сопровождаются научным введением и обширными комментариями.

Можно было бы предполагать, что при такой интенсивной писательской деятельности Станилоэ окажется отрезан от внешнего мира, от общественной жизни. Но нет. Его многочисленные выступления в различных европейских и американских университетских центрах, участие в диалогах и экуменических встречах, равно как и присутствие в бурной жизни румынского общества и Церкви в последние годы после событий 1989 г. превосходят всякие ожидания. Его биография насчитывает более 60 выступлений и докладов, сделанных именно в этот период.

В заключение я хотел бы остановиться на одном характерном свойстве всего богословия и личности Станилоэ. Богословие Станилоэ есть богословие любви и личного общения. Единственный верный способ говорить о Боге и о человеке — это говорить на языке любви. Любовь, по выражению Станилоэ, есть «вершина существования». Именно поэтому он всегда старался достичь вершины, так как только с вершины можно получить правильное и полное видение существования.

Какое бы произведение Станилоэ мы ни открыли, на любой странице читаем одно и то же слово: «любовь». Все его богословские концепции и понятия восходят к любви. Святая Троица есть проявление высшей любви. Иисус Христос есть Сын Бога, воплотившийся ради любви к человеку. Мир, все творение есть дар любви Божьей. Благодаря языку любви Станилоэ преодолевает всякий дуализм, всякую пропасть между небом и землей, между Богом и человеком, между духом и материей, между историей и Церковью, между временем и вечностью, между пространством и бесконечностью, между локальным и вселенским. Замечательно звучит определение времени у Станилоэ: время есть возможность свободного ответа на зов любви Божьей, есть временная дистанция, отделяющая от призыва до ответа на него. Вечность есть отсутствие или упразднение этой дистанции, когда призыв и ответ становятся одновременными. Поэтому Станилоэ можно по праву назвать богословом любви. Критики порой упрекали его в излишнем оптимизме. При том что в мире не прекращаются войны, зло распространяется и принимает все более устрашающие формы, Станилоэ продолжает смотреть на мир, как на дар Божий и, более того, как на место присутствия и действия Бога,

³⁰ Ware K., *ep.* Experiența lui Dumnezeu în Teologia Dogmatică a Părintelui Dumitru Stăniloae // Persoană și comuniune... P. 115.

³¹ Stăniloae. Dumnezeu, lumea și omul... P. 12.

³² Автор в данном случае предпочитает придерживаться атрибуции Ареопагитского корпуса ученику апостола Павла Дионисию Ареопагиту, что, как известно, не имеет под собой серьезных исторических оснований. — *Прим. ред.*

воспевает его красоту. В человеке, воплощающем в себе отвратительные и утонченные формы зла, Станилоэ различает бессмертный образ Бога и по-настоящему влюблен в него.

Возникает вопрос: в чем обретает богословие Станилоэ такую силу? Ответ однозначен: в непоколебимой вере в Воплощенное Слово и Сына Божия и бесконечную любовь Бога, подтверждаемую воплощением и засвидетельствованную Церковью на все времена; в безграничном доверии к силе Божественной любви, которая, по выражению свт. Иоанна Златоуста, «испорченное — нашу человеческую природу — обращает в благоухание чести».

PRIEST DUMITRU STANILOAE: A TRANSLATOR, EXEGETE AND SUCCESSOR TO THE TRADITION OF CHURCH FATHERS

PROTOPRESBYTER CONSTANTIN COMAN

This paper gives a review of the life and scientific work of the famous Romanian Orthodox theologian, patrologist and translator of Church Fathers' writings Rev. Dumitru Staniloae. The author points out that St Gregory Palamas' teaching had a special impact on Fr. Dumitru's theology. The author also speaks about Staniloae's extensive work in translation devoted to the following authors and monuments of Early Christian literature: St Gregory Palamas, St Maximus the Confessor, St Athanasius the Great, St Gregory of Nyssa, St Gregory the Theologian, St Cyril of Alexandria, the Areopagitic corpus, St Symeon the New Theologian. The author of the papers also shows that Staniloae's translation of the Philokalia had a profound impact on the religious revival of Romania in the Socialist period of its history.

*П. Ю. Малков
(ПСТГУ)*

ОППОЗИЦИЯ ПАЛАМИЗМА И ГУМАНИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ВИЗАНТИИ XIV СТОЛЕТИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ИОАННА МЕЙЕНДОРФА

В докладе автор обращает внимание читателей на присущую творчеству протопресвитера Иоанна Мейендорфа оппозицию: гуманизм — паламизм. Внимательное изучение трудов показывает, что в позднее-византийской истории можно говорить о конфликте двух видов знания: философском, опирающемся на естественные источники познания, и богословском, основанном на богооткровенных источниках.

Оппозиция паламизма и гуманистической мысли в Византии XIV столетия является в научном наследии отца Иоанна Мейендорфа одной из центральных. Отец Иоанн обращался к анализу основных причин и самого содержания известного противостояния паламизма и гуманизма на протяжении всей своей научной деятельности. Подробнейшим образом рассмотрев эту проблему в своей, ставшей ныне классической, монографии 1959 г., посвященной жизни и богословию святителя Григория Паламы («Introduction à l'étude de Grégoire Palamas»), отец Иоанн возвращался к ней вновь и вновь на страницах своих позднейших исследований и статей. Причем это возвращение не было для отца Иоанна лишь механическим повторением сказанного ранее, но раскрывало все новые и новые значимые аспекты данной темы.

Следует сразу же отметить, что отец Иоанн Мейендорф в своем анализе содержания противостояния монашеского исихастского движения и византийского гуманизма XIV в. удачно избегает возможных крайностей. Можно смело утверждать, что суждения отца Иоанна по этому вопросу взвешены и богословски корректны в сравнении с иными оценками.

Оставляя в стороне советскую историографию вопроса, с ее примитивной и беспомощной оценкой паламизма как просто асоциального, консервативного явления, препятствующего любой прогрессивной мысли в Византии и отрицающего самим своим существованием всякую подлинную ученость (по оценке советского ученого М. Я. Сюзюмова, «учение Паламы — это идеология оторванного от общества монаха-пустынника, который враждебен всему новому в мире, в том числе и пробивавшим дорогу гуманистическим веяниям»¹), обратимся к другой научной позиции, с которой пришлось полемизировать отцу Иоанну. Она заслуживает

¹ Сюзюмов М. Я. История Византии: В 3 т. Т. 2 / М. Я. Сюзюмов. М., 1967. С. 248.